

Константин Юрьевич Бояндин
Умереть впервые
Серия «Ралион», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136677
Пригоршня вечности: Северо-Запад; Москва; 1998
ISBN 5-7906-0082-4

Аннотация

Когда ищешь богатства и славы, а находишь бессмертие, с которым никак не удаётся справиться – жизнь меняется раз и навсегда.

Содержание

Часть I. Единство	4
0	4
1	5
2	8
Часть II. Тьма	11
3	11
4	15
5	18
6	22
7	26
8	30
9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Константин Бояндин

Умереть впервые

Всем, кто участвовал в наших играх

Часть I. Единство

0

«Путник, здесь тебе предложат честный обмен,
Проверь свои желания, осознай стремления.

За каждым камнем скрыта стена,
За каждой мыслью скрыт человек,
За каждым мигом скрыты века.

Выберешь будущее – шагни направо.
Выберешь прошлое – шагни налево.
Выберешь настоящее – возвращайся назад.
Выберешь единство – оставайся на месте.

Если нет света – придумаем свет,
Если нет тьмы – придумаем тьму,
Если нет сумерек – придумаем сумерки.
Если нет единства – исчезнет весь мир.

Путник, ты прежним уже не вернёшься.
Выслушай себя, чтобы вернуться к себе».

(надпись-мозаика Геллосского лабиринта)

1

Был вечер 18-го дня осени 319 года.

Не нужно обладать острым слухом, чтобы услышать скрежет металла о камень.

В просторном подвале, что находился где-то под городом Киншиар, зажёгся свет и худенький юноша, обернувшись, прикрыл глаза. После крошечной мглы яркость была нестерпимой.

– Леглар! – крикнул он в пустоту зала. – А сейчас что не так?

Ответом ему был короткий смешок. Уши у юноши вспыхнули при звуке этого голоса. Затем из слепящего свечения послышался стук деревянных подошв о металл, и высокая фигура спустилась откуда-то сверху.

– Очень плохо, Таилег, очень плохо.

Юноша оглянулся. Его окружали хитроумно расставленные предметы: стулья, столы, лёгкие деревянные коробки и тяжёлые сундуки. Тонкие меловые линии были нарисованы на полу, образуя головокружительную путаницу. Несколько нитей соединяли предметы друг с другом.

Леглару на вид было лет сорок. Впрочем, люди доживали теперь до почтенного возраста в сто двадцать – сто сорок лет без особых трудностей, так что говорить о приближении старости было бы трудно. И всё же грядущая зима уже отметила его пышную шевелюру.

– Вот и вот, – он указал длинным пальцем куда-то вглубь паутины, среди которой стоял Таилег, двадцатилетний человек, единственным достижением которого было острое желание прославиться.

Неважно, как.

Таилег проследил за пальцем и увидел оборванные нити. Сквозняк шевелил их обрывками, металлические пылинки искрились на почти невидимых волокнах.

– И здесь, – другой палец указал в другом направлении, где едва видный след подошвы пересекал меловую линию.

– Одним словом, – подвёл итоги Леглар, – три ловушки. Плюс сундук. Кто за тебя станет проверять его? Я слышал, что ты полез в него, не обследовав. Настоящему сундуку ты тоже станешь объяснять, что не хотел нарываться на неприятности?

– Как ты мог слышать! – воскликнул юноша, в сердцах стукнув ладонью по сундуку. С потолка, мягко шелестя, упала сеть и Таилег с проклятиями принялся из неё выпутываться.

– В следующий раз намажу сеть какой-нибудь гадостью, – пообещал его наставник – с презрительной усмешкой, но весело прищуривав глаза. – Несколько ожогов – что может быть лучшим обучающим средством?

– Хватит на сегодня, – буркнул Таилег, выпутавшись из сети и пытаясь привести свою одежду в порядок.

– Да, действительно, – кивнул Леглар и жестом пригласил его следовать за собой. В углу подвала стоял небольшой столик, на котором аппетитной грудой лежала еда. – Ешь, заработал. Не деликатесы, конечно, но раз уж тренироваться – так всерьёз.

– Ты считаешь, что заработал? – спросил Таилег, с жадностью набрасываясь на сушёные фрукты и вяленое мясо. Обычная вода казалась напитком богов – после целого дня, проведённого в тренировочном лабиринте.

– Да, – коротко ответил его собеседник, удобно устроился в кресле и перестал улыбаться. – Две ловушки ты прошёл чисто. Первую нить порвал случайно – уже устал, как мне кажется, – но тем не менее порвал. Всё остальное – из-за плохого самообладания. Не знаешь, что делать – стой и думай. И главное. Когда зажёгся свет, ты так и остался стоять. С недовольной физиономией.

– Ясно, – мрачно ответил Таилег и вздохнул. Суставы ныли и сидение на простом деревянном табурете вовсе не казалось благом.

– Но улучшение есть, несомненно, – кивнул Леглар и вынул из кармана часы. – О боги, уже восемь часов! Да, засиделись на этот раз. Ну ладно, день отдыха – послезавтра жду тебя здесь. Осталось восемнадцать дней, так что соберись.

В этот момент в кармане его куртки что-то музыкально заиграло. Озадаченный Леглар извлёк небольшой красиво огранённый камень и уставился в его глубины.

– Даал, – низким и раздражённым голосом отозвался кристалл. Таилег вздрогнул и едва не упал со стула.

– Слушаю, – не менее мрачно ответил Леглар, делая ученику знак – помолчи. – Что случилось?

– Через полчаса ко мне в кабинет, – произнёс кристалл и на длинном лице Леглара поочередно отразились разнообразные выражения неудовольствия. – Срочное дело. Где живёт твой новый ученик?

Глаза Таилега расширились и он вопросительно ткнул себя большим пальцем в грудь.

– Сейчас он здесь, в тренировочном зале, – ответил Леглар кристаллу, с сомнением глядя в его светящиеся глубины.

Кристалл с облегчением вздохнул.

– Бери его с собой и – живо ко мне!

После чего свечение кристалла померкло.

Если бы пожелание Леглара исполнилось, владельца голоса ожидала бы очень неприятная смерть.

– Собирайся, – коротко кивнул Леглар, с хрустом разминая суставы. – Чувствую, нам сейчас припомнят последнюю вылазку. Торопись, если не хочешь отправиться к герцогу под стражей.

– Под стражей? – перепугался Таилег. – Может, мне... того?..

Леглар Даал, специалист первого класса по ловушкам, почётный член множества Гильдий и так далее, взглядом пригвоздил ученика к полу.

– Не валяй дурака, – посоветовал он и прикосновением к невидимой кнопке погасил весь свет. – От приглашений герцога не отказываются.

* * *

Они шли по людным вечерним улицам. Приходилось торопиться – правительственные здания находились почти на другом конце города.

Таилег шёл и думал, где они могли попасться. Два месяца назад они с Легларом – как и многие другие, кстати – посетили руины одного древнего подземного города. Вполне законное предприятие. Всё ценное давно уже вывезено, все путешественники посещают город на свой страх и риск. Все трофеи разрешено уносить с собой. Правда, они немного... так скажем, случайно уклонились от безопасного маршрута и несколько часов блуждали по невообразимо жутким проходам... и трофеев-то кот наплакал. К чему тут придраться? Можно сказать, туристическая поездка.

Леглар шёл и думал, куда его отправят на сей раз. Всякий раз, когда кто-нибудь из воров Киншиара стащит что-нибудь не то, его вызывают улаживать скандалы. Сейчас, сомнений нет, чем-то не понравились они сами. Ну да, у парнишки пока ещё руки не оттуда растут, откуда положено, да и опыта маловато – но ведь ничего такого он не сделал! Сам же следил за его приключениями... Он почесал затылок и, встретив тревожный взгляд ученика, только пожал плечами.

– Если бы нас хотели посадить, то не стали бы вызывать по срочной связи, – пояснил он на словах.

– Тебя посадишь, как же, – уныло отозвался Таилег.

В Гильдии воров, как и во многих других ремесленных цехах, позволялось обращаться к наставнику на «ты».

2

– Ваша светлость, – негромко произнёс Леглар, слегка подталкивая бледного Таилега вперёд. За их спинами гулко сомкнулись створки дверей, оставляя их в обществе превосходной мебели, множества скульптур и недовольного герцога. Таилег заметил, что герцог явно одевался в большой спешке.

– У нас есть полчаса, – герцог жестом приказал своим посетителям сесть. – Садись, Леглар, некогда соблюдать этикет. Ты тоже садись, – кивок в сторону Таилега.

Таилег украдкой осмотрел богато украшенный зал, где вершилась политика герцогства Киншиар и беззвучно вздохнул. Герцог вообще не замечал его присутствия – сказывается воспитание. Кто он ему, собственно? Так, мелочь, уличный воришка... Да, но почему такая срочность? Безо всяких чиновников, без секретаря, в неприёмное время... Он покосился на высокие окна. Никого. Здесь только они трое.

– У нас гости, – герцог извлёк откуда-то из стола сигару и не торопясь раскурил её. – Гости очень неприятные, скажу сразу, и мне не хочется их задерживать.

– Наблюдатели, – произнёс Леглар полувопросительно-полуутвердительно. Герцог недовольно кивнул.

– Они являются из ниоткуда, стража вынуждена их пропустить без официального объявления, и вся их милая троица приказывает мне явиться сюда к девяти, и чтоб вы двое тоже здесь сидели.

Таилег спрятал улыбку.

– Что-нибудь ещё они сказали? – прервал Леглар неловкую паузу.

– Нет, и я как раз жду, что скажете вы. – Герцог впервые увидел Таилега и испепелил его взглядом. – Что натворили? Лучше скажите сразу. Может, вас сразу в темницу отправить, – или дать время скрыться. Ну, что натворили?

Леглар некоторое время наблюдал, как багровеет лицо герцога и в конце концов вздохнул.

– Могу поклясться чем угодно, ваша светлость, – начал он, как вдруг негромко зазвенел колокольчик на обширном столе герцога.

Владелец стола обречённо вздохнул.

– Вот, началось, – сказал он шёпотом.

Таилег собственными глазами увидел тень страха на жёлчном аристократическом лице.

* * *

Наблюдатели шли через зал целую вечность.

Двое из них были Ольты, венлор, как их звали на Островах. По их лицам невозможно было угадать возраст. Властные над своим телом, они отчасти были властны и над временем. Пожалуй, только по глазам, по манере держаться можно было бы оценить их возраст.

И, конечно, когда было бы время заглядывать в глаза. Таилег не на шутку перепугался, – но не от вида двух высоченных Наблюдателей, которые были на голову выше Леглара (а тот не считался низкорослым). Что-то неосознанное навяло на него противный, обидный страх. Он чувствовал себя словно карапуз, которого уличили в краже варенья.

Третьим в этой команде было и вовсе нечеловеческое существо. Оно имело, конечно, две руки и две ноги. Однако было и покрытое чешуёй тело, короткий хвост, придающий существу несколько танцующую походку и когти на руках и ногах.

Одно только облегчение: ростом существо было всего метра полтора. Одной рукой поднять можно, подумал Таилег и невольно отступил назад, задерживая дыхание.

Как и от всяких чудищ, запах от этого должен был быть весьма неприятным. Однако, крепкий дым дорогой сигары перебило не зловоние, а терпкий запах леса. Кору какого-то дерева... трав... мха... Таилег не успевал удивляться, слишком быстро всё происходило.

Леглар встал первым, коротко поклонился и быстро произнёс несколько слов на музыкальном, приятном для слуха языке. Оба ольта кивнули, и, миновав Леглара, Таилега и рептилию, направились прямо к герцогу. Там они по-хозяйски уселись в кресла для посетителей и вполголоса принялись о чём-то беседовать. Тут Таилег бросил украдкой ещё один взгляд на герцога и вновь порадовался: герцог был бледен и то и дело вытирал со лба пот.

Глаза рептилии остановились на Таилеге.

– Что вы выбрали во время последнего... похода? – спросила она на безукоризненном Нижнем Тален. Если бы не паузы между словами, Таилег поклялся бы, что перед ним человек, одевший маску рептилии. Вертикальные зрачки сверлили его взглядом и выражение чешуйчатого лица было совершенно незнакомо. Небеса, зубов-то сколько...

Рука как-то сама собой полезла в карман... Леглар бросил на Таилега удивлённый взгляд. Юноша осознал, что его наставник ожидал чего-то другого.

Руку с зажатым в ней небольшим предметом Таилег протянул к существу... когда Леглар поймал его за локоть. Вот уж, воистину, стальная хватка! Леглар столь молниеносно остановил его движение, словно он, Таилег, намеревался зарезать этого недомерка!

Осторожно Таилег разжал ладонь. На ней лежала изящная булавка. В оправу, изготовленную из самородного серебра был вправлен небесно-голубой камень. Даже издали было видно – не безделушка. Тонкая работа... и стоит немало.

Существо аккуратно протянуло ладонь к его руке, остановив движение в нескольких сантиметрах над булавкой. Таилег почувствовал слабое тепло, исходящее от когтистых пальцев. Ощущение было необычным – тепло словно вихрями исходило из чужой ладони, ввинчиваясь в его собственную.

Рептилия кивнула и отступила на шаг. Теперь её глаза с вертикальными зрачками и сиреневыми радужками остановились на Легларе и они обменялись несколькими фразами на том же музыкальном наречии. Судя по тону, Леглар в чём-то оправдывался. Рептилия вновь кивнула, шагнула мимо Таилега, вовсе не обращая на того внимания и села рядом с остальной троицей. Герцог сделал жест Таилегу с Легларом – подождите, мол, за дверями.

Пришлось выйти.

– Слушай, что происходит? – Таилег пытался унять дрожь в руках и не мог. Леглар посмотрел на него искоса и тихонько рассмеялся.

– Они решают, что с тобой сделать.

Рука Таилега с булавкой остановилась на полпути.

– За что? За это? – он показал булавку наставнику, и свет канделябров вспыхнул внутри камня зелёными лучиками. – Что в этом незаконного?

– Скажи мне, по секрету, разумеется – где ты её откопал? – неожиданно спросил Леглар сухим и жёстким тоном.

Таилег опешил.

– Д-да там, в той комнате – помнишь? – там, где много столов было порубленных, картины на стенах...

Леглар схватился за голову и застонал.

– Там на полу, случайно, ничего не было нарисовано?

– Было, – честно признался Таилег, сам от себя этого не ожидавший. – Вроде как углём. Но ничего такого, спокойно ногой стиралось, я и стёр... а булавка посреди кучи мусора валялась.

К Леглару успело вернуться самообладание.

– Говорил я тебе – сначала меня спроси, – зло обругал он ученика. – Теперь радуйся, если жив останешься.

Таилег хотел было возразить – тебе, мол, покажешь, так ничего себе не останется – но передумал. Шутки кончились. Таким своего наставника он видел редко.

– Так что ж я такого сделал-то? – спросил он почти робко.

Леглар пожал плечами и устроился в кресле поудобнее.

– Сейчас тебе всё скажут, – отвечивал он мрачно.

* * *

Ждать пришлось недолго. Наблюдатели вышли из зала, попрощались с Легларом (не замечая при этом Таилега) и оставили их двоих.

– Вернитесь-ка сюда, – послышался холодный голос из мрачной глубины, откуда медленно выплывал сизый сигарный дым.

Когда оба они вновь предстали перед очами его светлости, герцог выглядел гораздо лучше. Судя по всему, осознал Таилег, герцог поначалу рассчитывал на что-то очень скверное. На что же? Что могут приказать ему Наблюдатели? Странно всё это.

– Таилег из Киншиара, – размеренно произнёс герцог, протягивая юноше свиток. – Я уполномочен передать вам свиток от Наблюдателей Киншиара. Там описано особое поручение, которое вам надлежит исполнить. Начинайте незамедлительно.

– Даал, – голос герцога стал чуточку добрее. – Для тебя тоже есть особое поручение. Лично от меня. Мы поговорим о нём с глазу на глаз.

Намёк был – прозрачнее некуда.

Часть II. Тьма

3

Выяснилось, что Таилег не переносил качки.

Торговый корабль, «Кориам», пассажиром которого он был, шёл по спокойному морю – волны едва ли поднимались выше одного метра, но и этого Таилегу хватило, чтобы совершенно позеленеть, потерять и аппетит, и самый интерес к жизни.

Похоже, что корабль был худшим из тех, какой смог найти герцог. Глядя на хмурые лица команды и на снисходительные усмешки других пассажиров, Таилег мысленно перебирал все проклятия, какими наградил бы этого индюка с сигарой в клюве, стань он хоть на минутку богом.

Список был внушительным, и его с лихвой хватило бы на большую аристократическую семью.

Он ехал, в сущности, немного проветриться, за чужой счёт, с кучей золота в рюкзаке, но почему-то не ощущал себя счастливым. Причиной тому, кроме тошноты, был пергамент с золотым обрезом, который ему вручил герцог три дня тому назад.

Там было сказано: «выполнить задание, которое даст Совет Наблюдателей». Легко сказать! Неизвестность была сама по себе неприятна, но другое обстоятельство тяготило Таилега гораздо сильнее.

Необходимость иметь дело с нелюдьми.

Бабушка, которая в основном занималась воспитанием Таилега, сумела привить внуку острую неприязнь ко всему нечеловеческому. То покрытое чешуёй лицо, которое он видел совсем недавно, в детстве появлялось только в худших кошмарах. Давление, которое ощущал Таилег, было почти непереносимым. Хорошо хоть, экипаж и пассажиры были люди... по крайней мере, на вид.

«Там написано особое поручение»... «Следовать до порта Киннер, далее на северо-запад, до входа в заброшенный подземный город». Таилег фыркнул, когда впервые прочёл эти слова. «Следовать»? Вход в руины Даи-Годдара, «Двух Золотых Лун», как примерно переводилось название города, он отыскал бы на ощупь. Руины были настолько изучены и просеяны, что все окрестные горожане приезжали туда на пикники. Побродить по подземным переходам, коснуться рукой древности... Да уж.

С кем теперь ему предстоит там встретиться? И почему, чёрт побери, сами Наблюдатели не могут вернуть эту булавку на место, раз уж на то пошло? Никто ему ничего не пояснил.

«Следовать до входа»!

Никогда не хотел следовать чьей-то воле, но вот приходится...

Рейс до Киннера должен был продолжаться три дня. Корабль шёл неторопливо, поскольку был основательно загружен. Да и сам рейс проходил всегда поблизости от берега. Это не в Штормовой пояс плавать: двадцать дней в открытом море – при попутном ветре – и дальше проявлять чудеса навигации, чтобы вернуться назад живым и невредимым.

Право же, Таилег предпочёл бы отправиться к Штормовому поясу... или отработать наказание в Киншиаре, если Наблюдатели считают, что он провинился. Впрочем, кто сможет понять их нечеловеческую логику. Правда, Ольты... Но и Ольты не совсем люди. А значит, нельзя до конца доверять им.

* * *

Утром второго дня чья-то рука похлопала его по плечу.

Таилег поднял глаза и увидел какую-то желтоватую пастилку, лежавшую на подозрительно знакомой ладони, которую пересекал наискось глубокий шрам.

Леглар.

Таилег был до того измучен сочетанием страха, голода и тошноты, что не смог даже улыбнуться. Он подобрал пастилку и положил её в рот, с ужасом ожидая, что его немедленно стошнит.

Однако во рту разлилась терпкая горечь, клубящийся туман заполнил голову и схлынул, забрав с собой морскую болезнь.

Ощущение было просто божественным.

– На, ученик, – та же рука протянула юноше пакетик с пастилками. Таилег нехотя оторвался от поручней, которые служили ему опорой добрые сутки и по-новому взглянул на окружающий мир. Корабль, правда, не стал от этого приличнее, но сумрак, окутывавший всё вокруг, рассеялся. Что здесь делает Леглар?

– Ты не беспокойся, я здесь случайно, – Леглар ловко пододвинул к себе шаткое деревянное кресло и устроился поблизости. – Мне показалось, что несколько дополнительных уроков тебе не повредит. Вот, держи, – Леглар протянул объёмистый пакет, завёрнутый в парусину. – Позже поглядишь. Я так и знал, что путешественник из тебя никудышный. Половину полезных вещей покупать не стал... Когда только дурь из тебя вылетит?

Его строгий тон плохо сочетался с улыбкой, которая пряталась где-то в глазах. Таилег вымученно улыбнулся и сел в соседнее кресло. Тут только он понял, до чего приятно сидеть и наслаждаться покоем. Тут же захотелось есть.

– Ясно, – Леглар поднялся и задумчиво потянул себя за бороду. – В это раз урок начнём с обеда.

* * *

– Итак, – Леглар обвёл взглядом сидевших за соседними столиками. Он встретился взглядом с мрачным толстяком в богатых одеждах и усмехнулся. – Во что корабль превратили... Тьфу! Итак, одно небольшое предупреждение. Герцог надеется, что больше тебя в Киншиаре не увидит.

Таилег едва не подавился.

– Что я ему сделал? – проговорил он возмущённо. Судя по негодующему тону, излечение от морской болезни прошло более чем успешно. – Что я, обокрал его родственников? Знакомых? Или он на это покушается? – он извлёк злосчастную булавку и задумался, глядя на неё. – В море, что ли, выбросить...

– Давай, – согласился Леглар. – Герцог, конечно, не заставит тебя нырять за ней, но...

Таилег побледнел.

– Спрячь игрушку, – посоветовал магистр Леглар Даал. Он оглянулся. Толстяк неприязненно осматривал их обоих. Рядом с ними сидел худощавый седой мужчина с девочкой на коленях. Та весело смотрела на Леглара и его спутника, не подозревая, какие страсти там бурлят. Таилег медленно спрятал булавку в потайной карман и усилием воли придал лицу спокойное выражение.

– Ладно, – Леглар с хрустом потянулся. – У нас мало времени. На берег мы сойдём вместе, но в город ты пойдёшь один.

Таилег вновь побледнел. На сей раз как снег.

– Знаешь, ученик, – Леглар побагровел. – Пора, наконец, взрослеть. Есть вещи, которые приходится делать помимо своей воли. И есть дела, помочь в которых тебе никто не сможет. Уяснил?

Таилег кивнул.

– То-то же, – цвет лица магистра постепенно приходил в норму. – Я не знаю, придётся ли тебе встречаться с *рилдарами*...

– С кем? – подозрительно перебил его Таилег.

– Так звали их на нашем острове, – Леглар ухмыльнулся. – У вас в городе ими пугают детей и называют слугами смерти. Сами они зовут себя Хансса. Наше название, правда, тоже не очень лестное...

– И что оно значит? – спросил Таилег, уже готовый посмеяться.

– Не скажу, – Леглар перестал улыбаться. – Не то с тебя станется ляпнуть это при них, а тогда тебе не позавидуешь.

– Что они со мной сделают? – презрительно спросил его ученик, откидываясь в кресле. «Быстро приходит в себя», с удовлетворением отметил магистр и закрыл глаза, изображая на лице мечтательную улыбку.

– Давным-давно, – пояснил он, – когда люди ещё воевали каменными топорами, они придумали очень эффективный способ бороться с умалишёнными, преступниками и еретиками...

Таилег вопросительно смотрел на своего наставника.

– Они их поедали, – Леглар мрачно воззрился на ученика, побледневшего в третий раз. – Это, конечно, давно уже не практикуется, но заруби себе на носу, парень, что это не люди. У них свои понятия о долге. О морали. О порядке. Они нас знают, как облупленных, а мы до сих пор только и умеем, что пугать ими детей. Так что заткнись и слушай меня. Многому я тебя не научу, но основы хорошего тона преподам.

* * *

– ...Нет, – сказал Леглар в сотый раз за третий день путешествия и закатил глаза. – О боги, ну неужели у меня настолько плохое произношение? Итак, повторяй снова: *ans assai, halian ormass*...

– Мне надоело. – Таилег поднялся и захлопнул тетрадь в толстой кожаной обложке. – Слушай, Леглар, я с этими крокодилами на задних лапах говорить не собираюсь. Если им охота, пусть говорят со мной сами. На человеческом языке. Нелюди они и есть нелюди, и относиться к ним, как к людям, за один день ты меня не научишь.

Он обернулся к учителю, рассчитывая увидеть гримасу гнева на его лице, но Леглар только обречённо вздохнул и покачал головой.

– Нет, – после неловкой паузы проговорил Леглар. – Действительно, зачем я тебя учу? Зачем я вообще увязался за тобой? Что с того, что из тебя может выйти первоклассный специалист? Зачем я стараюсь из рядового воришки сделать образованного человека? Дурную голову только топором и вылечишь... – и сокрушённо покачал головой.

Таилегу стало непереносимо стыдно.

– Я... Леглар... – пробормотал он, наконец.

– Говорить буду я, – мягко прервал его магистр. Говорил он тем тоном, услышав который к полу примерзают даже самые отчаянные храбрецы. – А ты будешь говорить, когда я попрошу.

Он отошёл к иллюминатору и заметно оттаял, постояв там с минуту.

– Вернёмся к уроку, – продолжил он, как ни в чём не бывало. – У нас ещё будет вечер и завтрашнее утро.

Оба помолчали.

– Леглар, – голос Таилега был серьёзен и совершенно спокоен. Это было так на него не похоже, что Даал удивлённо воззрился на своего ученика. – Ты только о них и говоришь, словно свет на них клином сошёлся.

– В определённом смысле, ученик, в определённом смысле. Для тебя он несомненно сошёлся. Или сойдётся в самом ближайшем будущем. Ты наступил на хвост самим Наблюдателям, а девять десятых Наблюдателей – Хансса. Давай, раскрывай свой блокнот и записывай...

4

Киннер менее всего выглядел величественным в такую скверную погоду.

Судьба распорядилась так, чтобы у Даала разболелась голова вскоре после заключительной перебранки с Таилегом. Остаток пути он мрачно просидел в собственной каюте, глядя на собиравшиеся тучи. Погода, кратко отвечал он на все вопросы о своём самочувствии и из лекарств потребовал только розового киннерского вина.

Наставнику всегда виднее...

Утром они спустились на скользкую и неприветливую землю Киннера, местами закованную в камень, а местами превратившуюся в грязную кашу. Последние два года славилась затяжными дождями и этот, судя по всему, решил укреплять традицию.

– Какие странные дома, – произнёс Таилег с восхищением. Ни один дом не страдал от недостатка внимания; всё выглядело новеньким, ухоженным, радующим глаз. Все здания имели куполообразные в сечении крыши, с круто опускающимися у краёв скатами.

– Остров – место не очень сухое, – пояснил его наставник. – Но в Киннере дожди – особенно частые гости. Никому ещё не удавалось это объяснить. Как и везде на Островах, здесь очень порывистые ветра и в конце концов архитекторы остановились вот на такой форме.

Пока Леглар обменивался фразами с неприметными людьми, что собирались вокруг приезжих в поисках поручений, Таилег осмотрелся. К северо-западу сквозь завесу дождя просматривались гладкие, низкие вершины Змеиного хребта. Самый богатый железной рудой, с трудом припомнил Таилег. Уроки обязательной начальной школы забывались легче всего...

Послав гонца занять номер получше в главной гостинице города, Леглар решительно направился в ближайший портовый кабак, и Таилегу ничего не оставалось, как последовать за ним.

– Ужасная погода, – сообщил в очередной раз Леглар, осушая второй кувшинчик местного пива и удовлетворённо похлопывая себя по животу. – На твоём месте я бы не торопился спускаться в руины. Подожди денёк-другой, походи по городу, поговори с людьми...

– Так мне же приказано – «срочно»! – недоумённо воскликнул Таилег.

– Сразу видно, что ты никогда не был солдатом, – усмехнулся его наставник. – Или гонцом у герцога, да не оскудеют запасы его сигар. Кто тебе мешает думать, что именно в этот момент ты с наибольшим рвением выполняешь приказ? Кстати, в записке от Совета Наблюдателей сказано буквально: «прибыть туда-то и сделать то-то». Ни слова не сказано, что это срочно, немедленно, никаких угроз...

Таилег позволил себе немного расслабиться и отхлебнул из своего кувшинчика. На его взгляд, вкус у пива был отвратительный, но все остальные напитки были здесь куда крепче.

– Так что ты хотел мне сказать ещё? – спросил Таилег после долгой паузы.

– Ага, память ещё не засорилась! – радостно воскликнул Леглар и заказал ещё пива. – Зайди как-нибудь в «Розовый камень», парень и попробуй тамошних угрей. Карлики – лучшие повара на свете, да не оставит их заботой богиня...

– Что то стал часто богов поминать, – неодобрительно отозвался Таилег. Его пожирало нетерпение – с одной стороны, ему не терпелось узнать побольше (а его наставник оказался неистощимым кладёзем премудрости), а с другой... Впрочем, о другой стороне знания он предпочитал не думать. Пока, во всяком случае.

– У каждого города свои порядки, – отозвался его собеседник. – Здесь принято часто желать всем упомянутым всего самого доброго. Иначе на тебя начнут косо смотреть.

Таилег молча ждал продолжения.

– У меня всё ещё ноет голова, – поморщился Леглар, немного помолчав и покончив с очередной порцией десерта. – Так что я скажу тебе только самое важное. Остальное сам прочитаешь в библиотеке.

– Как в библиотеке? – Таилег не поверил своим ушам. – Ты хочешь сказать, что всё, что ты мне рассказал, ты прочёл в какой-то книге?

– Разумеется, – в тоне Леглара прорезались знакомые раздражительные нотки. – Ты думаешь, что это у Хансса я обучился срезать кошельки, вскрывать сейфы, расследовать кражи, заниматься слежкой и прочее? Большинство знаний я обнаружил в книгах. И тебе советую почаще читать. А то голова всякой ерундой забита, да простят меня небеса...

– С чего ты взял, что в книгах написана правда?

– Надо будет выяснить, что ты понимаешь под правдой... Но это в другой раз. Ладно, ученик. Ты снова забываешься. Так что рот закрой, а уши открой, – в голосе Леглара вновь появился металл.

Пришлось повиноваться.

* * *

– ... Итак, главное, что тебе надо запомнить – что они выработали очень сложную систему жестов. Никогда не прикасайся к ним первым, если не уверен в том, что делаешь. Никогда не делай резких движений. Можешь на них кричать, можешь им угрожать словами, можешь даже рискнуть оскорбить собеседника лично. Они не очень-то на это обижаются. Но всегда следи за своими жестами.

В случае острой необходимости, можешь взять Хансса за плечо – вот здесь – чтобы привлечь внимание, остановить, да мало ли ещё для чего. Всё остальное имеет вполне однозначный смысл и не стоит вводить их в заблуждение. И помни, что нашу мимику они знают в совершенстве, хотя собственной не обладают...

– Я видел, как у него... неё... – Таилег сбился. – В общем, как менялся цвет глаз.

– Правильно, но не у всех. Итак, запомни. Формулы приветствия. Жестикуляция. Ни слова о богах, пока они сами не спросят. Соблюдай эти три правила и тебя съест кто-нибудь другой.

Таилег даже не улыбнулся.

– Как отличить, кто из них какого пола? – спросил он наконец и уши его предательски порозовели по краям. Леглар снисходительно улыбнулся.

– Боишься, что приударишь не за тем? – спросил он язвительно и полюбовался богатой гаммой красок, что посетили уши его собеседника. – Ну что за жизнь – чего не коснись, у тебя кругом сплошные предрассудки. Хорошо, собирай вещички и пошли ко мне в гостиницу. Тут слишком много народа и на нас уже полтаверны уставилось...

Леглар оставил хозяину солидные чаевые, вежливо приподнял шляпу, подмигнул одной из помощниц владельца заведения и вышел наружу, в дождь и слякоть.

* * *

После доброго завтрака Леглар заметно подобрел.

– ...Они яйцекладущие, и – поверь мне на слово – вопросы пола и размножения у них занимают столь же много внимания, как, гхм, прочие естественные потребности... Одним словом, наши сексуальные привычки и горы всяких условностей, которые мы понаворотили, им совершенно не свойственны. Например, если ты обратишься к Хансса местоимением не того пола, тебя не будут поправлять. Скорее всего, решат, что тебе удобно считать собесед-

ника существом именно такого пола и доставят тебе некоторую радость, поддерживая эту иллюзию.

– И всё же, как их различать?

– Очень просто. Если ты встретишь Хансса где угодно, но не у них в городе – значит, ты встретил женщину.

Таилег открыл рот и не нашёлся, что сказать.

– Хансса несколько тысяч лет не ведут войн, – пояснил Леглар. – Так что самцы для размножения им нужны постольку, поскольку им не хочется вырождения расы. Самки в состоянии откладывать яйца, так сказать, собственными силами. Они вообще размножаются, когда этого захотят. В этом смысле они намного нас опередили...

– Да уж, – хмыкнул Таилег, который ещё помнил картины своего полуголодного существования – нищенствующие дети на задворках города... у бедняков всегда было множество детей. И если кто-то из них умирал, оставалось ещё очень много. Для правительства это было проклятием, но отменить кастовые традиции указом ещё никому не удавалось.

– Самцы у них занимаются в основном воспитанием, – закончил Леглар, когда они, наконец, подошли ко входу в гостиницу. Множество экипажей стояло неподалёку – видимо, в гостинице собрались какие-то важные персоны. – Ну и некоторыми другими вещами, где много специалистов не нужно. И войнами. Так что не думай о том, о чём беспокоиться не имеет смысла. Тем более, что отличить их самцов от самок проще всего по запаху, а в этом мы, Люди, ни на что не годимся.

Таилег посмотрел на гостиницу, возвышавшуюся над остальным городом всеми пятью этажами, и почесал голову в нерешительности.

– Заходи, – махнул рукой Леглар. – Тут отлично кормят и содержат первоклассный оркестр. Высохнешь, считаешь, слушаешь музыку... Я тут останусь на недельку, по мелким торговым делам, так что меня ты сильно не обременишь. Пока ты не перестанешь трястись от мысли о путешествии в руины, тебе всё равно не стоит заниматься своим особым поручением... – Леглар выделил тоном слово «особым». – Кстати, номер я тебе уже снял. Вычтем из твоих денег, если желаешь.

В конце концов, Таилег согласился.

5

Сказались уроки Леглара: уже на второй день пребывания Таилег заметил слежку.

Вначале он не придавал этому значения. По многим признакам в нём можно было заподозрить практикующего вора, и в традициях местных воровских Гильдий было принято изредка устраивать подобные спектакли. Дескать, нас голыми руками не возьмёшь. Свои территории они охраняли лучше, чем собака – родную миску.

Впрочем, проверить это было легко. Воры Ралиона, как и многих других миров, были своеобразной нацией, рассеянной по всему свету. Если эти двое, что тенью следовали за Таилегом абсолютно повсюду, из его же «братства», то пара условных знаков должна проинформировать их на них впечатление.

Не произвела.

Нужна была более аккуратная проверка. Таилег потратил пятнадцать золотых (огромные деньги, на которые можно было месяц отменно питаться) и связался с местной Гильдией, заплатив им умопомрачительный взнос за право работать в окрестностях города.

Но хвост оставался.

«Сорок золотых коту под хвост», размышлял Таилег, решивший, наконец, обновить свои походные запасы. Он посещал лавку за лавкой, магазин за магазином, но взгляд двух пар недобрых глаз не переставал сверлить ему затылок.

К концу третьего дня он счёл, что можно выходить. С разрешения своего наставника он взял из его коллекции две полезные (со слов самого Леглара) книги и оставил тому записку. Делать это пришлось тайно. Раз уж к его скромной особе проявляют столь пристальное внимание, лучше считать, что у всех стен есть и глаза, и уши, и нос. Посетив номер Даала, пока тот был где-то в городе, Таилег оставил ему подробное письменное изложение своих наблюдений.

Да и пора бы в путь собираться. Ожидание притупило клыки страха, что время от времени впивался в Таилега, и будущее уже не казалось таким однозначным и безрадостным.

* * *

На рассвете четвёртого дня своего пребывания в Киннере Таилег покинул гостиницу (закрепив номер за собой на пару недель) и твёрдо направился к руинам. Дорога была утоптана, словно вела к святыне.

Когда Таилег скрылся за поворотом, более высокий из соглядатаев повернулся к своему коллеге (тот был пониже и пошире в плечах) и буркнул:

– Ну ладно, одна пташка полетела. Что будем делать со вторым? – и выразительно провёл ребром ладони по горлу.

– За магистра ты будешь расплачиваться остаток своей жизни, – скучным голосом ответил ему второй. – Не те времена и не то место. К тому же, нам о нём не говорили ни слова. Так что действуем по плану. Ты отправляешься за парнем в подземелье и должен вернуться оттуда один. Я подготовлю всё остальное.

– Почему это я должен лезть в подземелье? – недовольно спросил высокий.

– Потому что удачнее надо было монетку кидать, – пояснил тот, что пошире и, кивнув, удалился прочь.

Высокий проводил его взглядом, вздохнул и направился к руинам. Странные предчувствия тяготили его.

* * *

Лёгкие мохнатые лапы провели по мозаике и треугольные кусочки стекла ненадолго засветились и потухли.

«Узор почти что идеален,» – так прозвучали бы слова, если бы им суждено было облечься в звуки.

«Мы видим,» – и десятки других лапок провели по сложному геометрическому узору. «Сейчас же мы спросим совета у Незавершённого и сделаем, если удастся, последние шаги».

Беззвучны были молитвы и лишь дыхание да едва слышная поступь множества мягких лап нарушали тишину.

Закончились последние ритуальные слова и все мохнатые уши принялись жадно впитывать окружающие звуки в поисках знамения.

Глухо зарокотал в глубинах подземный огонь и трижды сотряс пол подземного храма.

«Мы начинаем», – прозвучали более глубокие, более властные мысли-слова. «Мы начинаем. Пусть случай сделает очередной выбор».

* * *

К огромному удивлению Таилега возле входа в руины Двух Золотых Лун стоял стражник. При виде посетителя он заметно оживился. Впрочем, любой оживился бы, простой он под проливным дождём несколько часов подряд.

– В такую погоду да в подземелье? – с сомнением окликнул он юношу. Стражник был тучен, но достаточно подвижен и его блестящая алебарда недвусмысленно загораживала вход.

– Неужели руины теперь охраняются? – спросил Таилег самым невинным тоном, на который только был способен. Стражник повеселел. Судя по всему, вздохнул Таилег мысленно, неподкупных стражников почти не осталось. Куда только катится мир...

– Сами понимаете – стоит только уйти, как всякого сброду набегит полное подземелье, – стражник был явно не дурак поболтать. – А к нам сюда очень приличные люди захаживают... Служба, сами видите, какая. Так что без сопровождающего из магистрата...

– Так ведь вот он, сопровождающий, – Таилег одной рукой указал куда-то в сторону, другой высыпая в ладонь стражнику три золотые монеты. – Да и задержимся ненадолго. Так что не беспокойтесь.

– Ваша правда, господа, – закивал стражник и отодвинулся от входа. – Вы уж там поосторожнее, пожалуйста...

При желании Таилег мог срезать с пояса этого недоумка всё, что там висело. Да только посетителей сегодня слишком мало, замести следы не удастся. Посему он ограничился только тем, что сделал на его кошельке несколько аккуратных надрезов. Если он полезет за золотом не глядя, веселья будет на весь кабак...

Стражник смотрел на ладонь и не верил своему счастью. Никто его, конечно, не посылал охранять эти дурацкие пещеры. Но терпеливый всегда будет вознаграждён. Почаще бы попадались эти приезжие богатеи... Попробовав монеты на зуб, он спрятал оружие в чехол и отправился пропивать нежданно свалившиеся на него деньги.

Задержись он ещё на пять минут, ничего более ему в этой жизни выпить уже бы не удалось.

* * *

– Тоже мне – особое поручение, – бормотал Таилег, с лёгкостью перепрыгивая через трещины в полу. Самое главное, повторял он вновь и вновь, не забыть о «хвосте». То, что за ним последуют и сюда, он не сомневался. Теперь хорошо бы спуститься на уровень вниз, где множество параллельных коридоров, и подождать там сопровождающего. Придётся, вероятно, оглушить его – убивать Таилегу приходилось три раза, каждый раз – обороняясь, но пакостное чувство осквернения долго не оставляло его.

А ведь соглядатай наверняка захочет расправиться с ним.

Эта мысль, вполне очевидная, неприятно поразила начинающего вора. Действительно, соглядатай идёт за ним до самого конца, и, как только он кладёт булавку на место, тихонько оставляет его там же – и репутации герцога ничто не угрожает.

Мало ли случайных камней может упасть на голову беспечного искателя приключений.

У поворота на первую лестницу, откуда ещё был различим более светлый контур входа, Таилег переобулся. Сложная, многослойная подошва была некогда изобретена Ольтами. Позже многие мастера использовали упругий, бесшумный материал – особенно мастера ловких рук. Переобувшись, Таилег совершенно переменился. Он быстро прокрался к комнате с символом – где следовало оставить булавку – спрятал там рюкзак и, сверяясь с планом лабиринта, бесшумно поднялся наверх.

Соглядатай уже спускался по дальней лестнице.

План лабиринта, судя по всему, у него тоже был. Интересно, что стало со стражником? – подумал Таилег и искренне пожалел его. По всем канонам убийца не оставит в живых никого, кто мог бы поведать миру, что же случилось... В любом случае, бедняге уже не помочь.

Что-то слабо скрипнуло и Таилег заметил, что убийца извлёк небольшой, но внушительный арбалет. Новейшей конструкции, заряжавшийся целой обоймой стрел. Зачастую отравленных. Спуск – поворот рукоятки – арбалет вновь взведён. Время перезарядки – полторы секунды.

Хорошо, если в него будут стрелять только из этого.

Один промах убийца-таки совершил. Он держал в руке крохотный светящийся шарик, чем выдавал себя за сотню шагов. То ли думал, что сам Таилег такой же неопытный, то ли надеялся на себя. Как бы то ни было, близко подходить не следует.

Случай подвернулся скоро.

Стоило убийце постоять несколько секунд у одного из перекрёстков, как внимание его притупилось. Таилегу хватило нескольких секунд, чтобы метнуть камень.

Послышался глухой стук, камень отскочил от затылка и верзила принялся медленно оседать.

Теперь быстро к диаграмме – положить булавку – бегом к оглушённому и связать его. А там – назад в гостиницу и скорее предупредить Даала, что герцог вышел на тропу войны.

По-кошачьи мягко, Таилег прыгнул почти в самый центр диаграммы, полу-инкрустированной в полу, полуначерченной светящимся мелком. И тут-то всё пошло не так, как ожидалось.

Стоило ему извлечь булавку, как воздух вокруг сгустился, стал вязким и окружил юношу непроницаемым для звуков покровом. Отчаянно сопротивляясь, Таилег попытался быстро наклониться, и положить булавку – острием на зелёный кирпичик, ушком на красный. Но понял, что воздух сгущается, а дышать становится невероятно трудно.

Он заметил блик, когда стрела, неслышно пущенная ему в затылок, вошла в конус света, что испускала диаграмма вертикально вверх. Понимая, что не спасётся, он изо всех

сил оттолкнулся от пола. Стрела коснулась отточенным краем жала его щеки, заливая глаз кровавыми брызгами. Двигалась она медленно, но не потеряла своей убийственной силы...

Булавка выскочила из пальцев, но Таилегу было не до того. Надо было покинуть диаграмму, прежде чем верзила пошлёт второй снаряд.

Он падал невероятно медленно, опираясь на сгустившийся до плотного киселя воздух, и неожиданно ощутил, что летит. Ощущение было неземным... но долго ли он будет им наслаждаться?

Камень мягко коснулся его головы. Ноги ещё лежали внутри диаграммы и та не собиралась отпускать их без борьбы.

Булавка продолжала падать.

Остриё очередной стрелы глядело ему между глаз и Таилег понял, что спасёт его только чудо.

С музыкальным звоном булавка коснулась пола и – к величайшему изумлению юноши – вонзилась в самый центр, касаясь стержнем всех пяти сходящихся в центре кусочков цветного камня.

Весь центр диаграммы неожиданно посерел, а булавка вспыхнула ярко-синим пламенем. Скорее разумом, чем слухом, Таилег ощутил, как вторая стрела покидает отполированное ложе.

Закрыв глаза, он отчаянно оттолкнулся от переливавшейся мозаики. Что-то невероятно тяжёлое встретилось с его головой и мириады огненных брызг заполнили вселенную.

Потом был долгий, почти непереносимо долгий покой.

6

Очнулся он от неприятно пульсирующей боли.

Диаграмма совершенно потухла и почти не выступала на окружающем камне. Если бы не слегка выступающие вверх края, она ничем бы не выделялась на слабо светящемся, скрадывающим расстояния фоне.

Лежать было очень удобно и приятно, но кое-что оставалось неясным. Например, почему он жив. Осторожно потрогав лоб, Таилег не нашёл в нём торчащего украшения и сел, охнув от боли, что пронизала его позвоночник.

Почему его не убили? Если убийцу кто-то спугнул, то почему его оставили здесь, никак не помогли?

Впрочем, последнее не было таким уж удивительным. Благородство и милосердие – качества скорее персонажей легенд, нежели обычных людей. Да ещё в такое время, время всеобщего упадка.

Так что вознесём хвалу великому Палнору, что хранит всех почитателей своего ремесла, и двинемся отсюда подальше.

Рюкзак лежал неподалёку. Он был нетронут – и судя по тому, как он лежал, и по весу. Совершенно невероятно. Настолько честные обитатели пещер никогда не существовали в настоящей жизни. А преисподняя для воров вряд ли выглядит столь безобидно.

Таилег долго массировал руки и ноги, ощупывал всего себя, прежде чем осмелился встать. Кроме рваной царапины через правую щёку, он отделался только десятком синяков. Боги милостивы к тем, кто чтит их законы. Ухмыльнувшись, он потянулся к рюкзаку. Зажжём факел и осмотримся. Раз уж пришлось здесь задержаться, почему бы не осмотреть окрестности? Ни в каких диаграммах он больше искать не станет, ясное дело, но всё остальное по-прежнему оставалось ничьей собственностью.

Да и булавка была уж очень красивой...

Рука Таилега уже нырнула в кармашек пояса, где хранились бруски для высекания огня, как новый звук, неожиданно коснувшийся его слуха, заставил его замереть неподвижно.

Едва слышный плеск, шорох, капель.

Вода?!

Неужели город затопило?

Таилега словно подстегнули кнутом. Он торопливо накинуд рюкзака, соображая, какая из лестниц более удобна в случае наводнения. Затем зажжёт факел – под ноги надо смотреть, когда бежишь – и страх пронизал его всего.

Он находился в другом месте. Естественные колонны подпирали высоко вознесшийся потолок, создавая причудливый каменный лес. Диаграмма, точный двойник той, из Золотых Лун, лежала перед ним. Широкая подземная река лениво облизывала голый каменный берег в сотне шагов от него и следы разрушения, битвы, смерти виднелись буквально на всём вокруг.

Ноги его подкосились. С размаху усевшись на колючее каменное крошево, Таилег закрыл глаза и огромным усилием воли сдержался, чтобы не разразиться воплем отчаяния.

* * *

Лёгкое прикосновение меховой лапы заставило мозаику вспыхнуть, но – о ужас! – весь рисунок её совершенно изменился. Мысли зрителей были почти неслышны – все испытывали невероятный ужас. Что предпримет Незавершённый в ответ на подобное святотатство?

Но вот подземный гул качнул пол под ногами собравшихся, стены засветились ярче, и полосы цвета потекли по элементам мозаики, собираясь в то, что заменяло зрителям письменность.

«Незавершённый в восторге», – обрадованно пронеслась звучная мысль жреца. «Тот, кто принёс ему новую часть, остался жив. Готовьтесь к следующему испытанию, о дети Незавершённого. Осталось сделать два последних шага.»

Зрители постепенно расходились, а жрец и его помощники сели медитировать. Остальные сообщества, что питались силой и мудростью Незавершённого, должны узнать радостную весть от них.

Ибо они сидят на оси, что движет вселенную, на линии, что соединяет древние места обитания первых рас. Отсюда, из центра их вселенной, мгновенным узором знания обратится радостная весть.

Незавершённый, что собирал самого себя из тысяч фрагментов, был уже совсем близок к совершенству.

* * *

Сонным светлячком двигался огонёк факела меж причудливо возвышавшихся каменных колонн. Таилег потерял счёт времени. Возможно, прошло несколько часов, а может быть – суток. Он устал и страшно хотел есть, но монотонный пейзаж и невообразимо обширная пещера не позволяли ему остановиться.

Ни брызги крови, ни обгоревшие останки, ни обломки костей уже не встречались каждые несколько шагов. Воздух по-прежнему пах застоем и распадом – только у самой реки он был приятно чист и свеж. Однако, поглядев на снующие под поверхностью фосфоресцирующей воды длинные стремительные тени, Таилег решил не искушать судьбу. Если уж погибать, то на суше.

Наконец колонны разошлись в стороны и новая диаграмма – очередной двойник той, в Золотых Лунах – предстала его глазам. Как и первая, она была серой, безжизненной и не излучала интенсивной магической ауры.

Девять колонн стояли поодаль, равно отстоя одна от другой. Что-то почудилось юноше в очертаниях колонн... но толстый слой отвратительного жирного пепла покрывал в изобилии пол вокруг мозаики и он не стал задерживаться.

Когда мозаика осталась позади, он увидел излучину реки. Узкая песчаная отмель была совсем близко, и пол поблизости изобиловал небольшими бугорками и лунками. Каменный лес продолжался далеко впереди; лишь шагах в пятидесяти от отмели стояла одна колонна, широкая и внушительная, словно вековой дуб.

Кто-то спал, свернувшись, в одной из лунок вдалеке от воды.

Наконец-то!

Кто бы это ни был, решил Таилег, на ходу сбрасывая рюкзак, я сумею с ним договориться. Только бы выбраться отсюда!

Однако с каждым шагом к лежавшему надежда на быстрое спасение таяла и притихший было страх вновь впился в него, лишая последних сил. От лежавшего пахло тяжёлой смесью запахов высохшей крови, грязи и чего-то на редкость отвратительного.

Это была рептилия, скрючившаяся кольцом. Широкая ножевая рана пересекала её горло. Другая, не менее смертоносная, была нанесена в правый бок. Третья – насколько мог судить Таилег – была нанесена в спину.

Профессионально.

Глаза были открыты, но закрывавшая их мигательная перепонка придавала лицу жуткое выражение. Одежда – сложная система сплетённых широких полос кожи – была един-

ственной защитой несчастного существа. Хитроумно сделанные сандалии должны были служить отличным средством бесшумного перемещения и заодно не мешали использовать когти длиной в ладонь в качестве оружия.

Не помогли они владельцу...

Что-то источало слабый, едва различимый серебристый свет сквозь сжатые пальцы правой руки. Наклонившись, Таилег осторожно разогнул четыре пальца, обхватившие тонкой работы пузырёк и поднёс добычу к глазам. В руках его содержимое пузырька – почти прозрачная опалесцирующая густая жидкость – стало светиться чуть ярче. Пузырёк был небольшим, на один хороший глоток.

Что это? Лекарство? Яд? Взрывчатая смесь? Что хотело сделать существо, уже истекавшее кровью и захлёбывавшееся ею?

Тошнота подступила к его горлу, но желудок был пуст. Спустя минуту-другую ему полегчало. Кое-как добравшись до каменного «дуба», Таилег воткнул догоравший факел – предпоследний – в расщелину рядом с собой и откинулся.

Запасов еды – на пять-шесть дней. Воды нет вовсе, только два меха (скорее, правда, складные фляги из тщательно обработанной кожи). Ни дров, ни средств освещения. Что ему делать? Питаться всем тем золотом, что составляло добрую треть его поклажи? Привязать рюкзак к горлу и сразу утопиться? Или подождать?

Нет уж, подумал Таилег с неожиданной для самого себя злостью. Уж лучше он будет питаться падалью (начиная с тех останков, что лежали поблизости), чем сдастся. Ещё чего! Все только и ждут, что он сломается. Буду биться до последнего, подумал он и дикая, неуправляемая ярость оставила его. Лишь слабый звон в ушах некоторое время звучал, исчезая.

Он извлёк ломоть вяленого мяса и вздохнул. Скоро захочется пить. С другой стороны, рано или поздно он будет вынужден пить речную воду. Хорошо, если найдётся дерево – котелок у него есть, не забыл захватить, хвала всем богам.

Он отложил пузырёк в сторону и жевал, размышляя. Желудок требовал большего, намного большего, но позволить себе этого он пока не мог. Сначала надо продумать стратегию. Что лучше делать – придумать способ плыть по реке вниз, пока пейзаж не изменится или идти пешком, обыскивая всё вокруг? Последнее могло занять буквально века. Хотя... есть тонкая прочная верёвка, найдётся и крючок – можно ловить рыбу или что здесь водится. Рыба подземных рек славилась странным вкусом, но считалась съедобной.

Ладно, подумал он. Сначала похороню этого несчастного, а там видно будет. Что бы там ни плёл Даал, он-то не станет есть что бы то ни было, если при жизни оно было разумным.

Совершенно невообразимо, когда рядом есть река и рыба.

Покончив с ломтиком мяса, Таилег принялся разглядывать пузырёк. Вряд ли это оружие: уж больно тонкое стекло. Поломайся он случайно в кармане, и всё – доигрался. Значит, какое-то лекарство. Или яд. Хотя зачем яд... раны и так были очень тяжёлыми.

Он аккуратно свинтил крышку и осторожно повёл носом. Очень приятный запах. Девять или десять травяных оттенков мог различить даже его человеческий нос. Было бы ещё представление о том, как они называются... «Говорил же – учи!», услышал он язвительный внутренний голос.

Таилег мысленно отмахнулся от наставника и осторожно коснулся кончиком указательного пальца вязкого состава.

Ничего. Едва заметный слабый холод, словно от мятного настоя во рту.

Он закрыл пузырёк и положил рядом с собой. Серебристое свечение постепенно угасло. Таилег рассматривал светящийся кончик пальца и думал.

Наконец, решившись, он коснулся составом рваной царапины, что по-прежнему тупо ныла и чесалась. Жидкий огонь обрушился на повреждённую кожу и юноша едва не вскрикнул от боли. Однако, ощущения были сродни не яду, пожиравшему тело, но лекарству, уничтожавшему заразу.

Почти сразу кожа стала непереносимо чесаться. Заглянув в лужицу неподалёку, Таилег ахнул: там, где он помазал «сиропом» рану, она затянулась. Розовая, свежая кожа виднелась на месте бурого шрама.

Подождав ещё пять минут, он решился помазать остаток раны. Зашипев от боли, он склонился над лужицей и увидел, как отпадает, осыпается серым порошком мёртвая кожа и присохшая кровь и новая плоть, здоровая и живая возникает прямо на глазах.

Чудодейственное средство! Как ему не хватало его прежде! Таилег вспомнил немилосердные прижигания – едкими травяными отварами, крепкими напитками, а то и просто раскалённым металлом. Да уж, воистину добрые маги создали подобное.

Потратив едва ли пять капель снадобья, он свёл также все ушибы и синяки, доставшиеся ему от последних приключений.

Пока он сидел и наслаждался ясностью чувств и отсутствием боли, слабый шорох померещился ему. Скосив глаза, он увидел полупрозрачную удлинённую капельку, что вилась меж неровностей пола, направляясь к колонне. Вздвогнув и схватившись сначала за кинжал, он опустил его и рассмеялся. Слепая безногая подземная ящерица, стекляница, была его соседкой. Он понаблюдал, как она неторопливо льётся из трещины в трещину и кинул крошку мяса. Стекляница тут же направилась к ней. Открылась и затворилась крохотная пасть. Кусочек исчез во мгновение ока.

Стекляница равнодушно обтекла пузырёк (который вновь разгорелся до слабо-серебристого свечения) и направилась прочь, в своих вечных, но крайне простых заботах.

Пузырёк постепенно переставал светиться.

Таилег развлекался тем, что то придвигал к нему руку, то убирал её. Свечение то нарастало, то пропадало. На что оно реагирует? На тепло? Да нет, стекляница-то холоднокровная. На живое?

Тут словно сместились кусочки головоломки у него в голове и мысль, ранее не приходившая в голову, внезапно поразила его. Таилег вскочил на ноги и аккуратно, с бесконечной осторожностью, уложил пузырёк в кармашек пояса.

Пузырёк он нашёл по свечению. Ничего не лежало в той ямке, кроме тела рептилии. Ничего более – ведь он подносил факел вплотную к телу.

Рептилия была ещё жива.

7

Следующие полчаса были самыми отвратительными в его жизни. Таилег и раньше не мог понять, как могут люди годами работать в больницах, постоянно имея дело с грязью, гноем, испражнениями. Он, выросший среди отбросов и умиравший от чёрного мора, всё же не смог преодолеть отвращения, когда попытался было наняться в лечебницу.

Теперь предстояла не менее неприятная задача. Вначале он осторожно оттащил рептилию к воде и изучил её одежду. Застёжка была мудрёной, но Таилег не зря ел свой хлеб у Леглара Даала. Спустя всего лишь минуту он смог расстегнуть «сеть» и аккуратно снял её, стараясь не прикасаться к ранам. Рептилия по-прежнему не подавала признаков жизни. Некоторое время он полюбовался «сетью» – к прочной и толстой коже не пристало ни крупинцы грязи, не присохло ни капельки крови. Как это достигается? В кармашках и чехлах одежды что-то соблазнительно звенело и шуршало, но не грабить же едва живого!

Потом был черёд сандалий. Время от времени Таилег отворачивался – сочетание запахов было почти непереносимым. Отрезав кусок от пледа, он принялся оттирать застывшую корку грязи. Проще всего, конечно, затащить целиком в воду... С другой стороны, что там постоянно мечется? Хищники? Рыбы? Ящеры? Нет уж, спасать, так спасать. А то закусят сразу двумя...

Таилег произнёс эти слова и поднялся, сжимая в руке грязную тряпку.

– Интересно, зачем я это делаю? – громко спросил он реку перед собой.

Река ничего ему не ответила.

...Наконец, он рискнул капнуть светящегося состава на самую страшную рану – на горле.

Рана засветилась ядовито-зелёным свечением и заросла на глазах. Не веря своим глазам, Таилег коснулся шеи существа и поразился. Она была невредима. Он поднёс ухо к чуть приоткрытой пасти, но не почувствовал дыхания.

Впрочем, раз уж начал, надо заканчивать.

Одежду и обувь рептилии Таилег аккуратно сложил в свободный мешок. Кто его знает, может, владельцу всё это уже не понадобится.

...Спустя ещё полчаса Таилег был совершенно измотан. Напоследок он приоткрыл кинжалом пасть рептилии и капнул внутрь несколько капель. Вряд ли это смертоносно, да и признаков жизни всё равно не видно.

Он довольно долго сидел, прислонившись к телу рептилии (факел давно погас) и смотрел в зыбкую фосфоресцирующую воду перед собой. Прошло несколько минут и он услышал редкое, хрипящее, но непрекращающееся дыхание.

Теперь дождётся, когда оно проснётся...

«И что тогда?» – шепнул внутренний голос.

С чего он взял, что существо будет ему благодарно?

Таилегу стало как-то не по себе. Мелкие зубы, что не придавали скорчившемуся телу ни капли внушительности, теперь казались чуть ли не в километр длиной... И клыки, длиной в мизинец... что это за тёмная жидкость стекала по ним?

И массивный палец на стопе, оставленный назад, с прозрачным и острым, как бритва, когтем?

Зачем, Таилег, ты лечил его?.. Или её?

«Если ты встретишь их вне их города...»

Он обернулся.

Все признаки совпадали. Перед ним была Хансса, самка, и одному только мрачному богу-покровителю их расы было ведомо, как она оказалась здесь и как ей удалось выжить.

Вздыхнув, Таилег вновь усталился в глубины реки. Суматошный сегодня день. Хорошо бы заснуть так, чтобы завтра проснуться.

Позади него послышался едва слышный голос, словно принесённый ветром с другого края света. Таилег, задремавший было, встрепенулся от этих шелестящих нечеловеческих звуков и обернулся.

Левая рука рептилии чуть шевельнулась. Слово, которое донеслось до него, было произнесено на Нижнем Тален и означало «холодно».

* * *

...Словно легендарный баран между двумя кормушками, Таилег стоял над рептилией и держал в руках плед.

Он не стал брать палатку, ограничившись пледом и небольшой непромокаемой кожаной подстилкой. А надо было взять! Уж лучше золота бы взял поменьше. Проклятая жадность!

Его самого бил озноб – сочетание голода, холода и усталости, но он не знал, как ему поступить. Плед был достаточно широк, чтобы укрыть двоих. Но всё его существо возмущалось от одной только мысли – спать вместе с этим... вместе с ней под одним одеялом. Если её оставить так, как есть (а на ощупь она была холоднее льда), до утра она может и не дожить.

Ощущая себя одержимым навязчивой идеей, Таилег осторожно уложил рептилию на подстилку, укрыл толстым пледом и устроился поблизости, подложив под голову рюкзак. Ему осталось немного места на подстилке, но ветерок над рекой становился с каждой минутой всё более прохладным и впивавшиеся в затылок какие-то угловатые предметы обещали тяжёлую и незабываемую ночь.

Слабый запах, напоминавший запах полыни, коснулся его ноздрей. Однако Таилег ни за какие богатства мира не мог позволить себе раздумывать, что это означает, и откуда он взялся.

* * *

У высочайшей вершины Юго-Западного хребта стоит небольшой монастырь. Неоднократно менял он хозяев и многие священные знаки по очереди украшали его стены.

Без малого восемь тысяч лет стоит он совсем рядом с кратером давно потухшего вулкана, Мои-Валс (Удушающий огонь). Никто не помнит о трёх огромных городах, которые некогда были разрушены стихией, никто и не искал их останков – войны занимали умы первых поселенцев, а с тех пор прошло не так много времени, чтобы любопытные путешественники успели посетить все уголки света и передать рассказы об их чудесах всем остальным.

Последним обитателем монастыря был преклонных лет астролог Альри Данхор из Темера и многочисленные его ученики – их разношёрстная компания отлично ладила друг с другом. Немногие отваживались провести восемь лет обучения на неприветливых склонах Мои-Валса, да и спрос на астрологов – подлинных разумеется, исключая шарлатанов, которые встречаются на каждом углу – не столь велик.

Многие опасаются спрашивать о будущем, предпочитая настоящее.

К 22-му дню осени года 319 от пришествия Дайнера астролог, крепкий старик ста восемнадцати лет от роду, неожиданно понял, что больше не может ни учить последователей, ни заниматься астрологией сам.

Раз в год он делал особый расчёт – по просьбе Совета Магов. Каждый год почтовый голубь доставлял в неприметное здание на окраине Оннда листок тонкой бумаги, испещрённый разноцветными точками.

Немногие знали их смысл.

Образно выражаясь, схемы позволяли определить крупнейшие события, что должны были вот-вот потрясти Ралион и ближайший к нему участок вселенной.

Откровенно говоря, с точки зрения простого человека высшие маги и знатоки точных наук показались бы безумцами. Ведь неурожай, наводнения, пожары, эпидемии вовсе не считались из ряда вон выходящими событиями. Так, решаемая проблема – и что с того, что она в состоянии опустошить целые страны?

В этот раз схема была путаной, но отдельные расчёты Альри поручил лучшим своим ученикам, и те подтвердили его выводы, не вполне понимая, что они вычисляют.

Гадал и Альри, глядя на схему, которая предвещала ни много ни мало фундаментальные изменения в структуре мироздания. Впрочем, для обычных людей эти потрясения незаметны. Даже если их и удастся заметить, то как ничтожные и неопасные. Ещё бы, ведь все крупнейшие сдвиги протекают очень медленно.

А утром, повторив расчёты и сверяясь со множеством таинственных приборов, Альри получил результат, который заставил его содрогнуться.

Точки сползались ко вполне определённом месту на карте Ралиона и силы, которые производили сдвиг, были невообразимо велики. Что это должно было повлечь – он не понимал. Но понимал, что такого просто не может быть.

Спустя день расчёты повторились. Раз сдвинувшись, точки не совершили заметного перемещения. Тут-то Альри и уверовал в истощение собственного разума и в необходимость отставки. Хотя всегда знаешь, что всё хорошее непременно прекратится, как больно бывает ощущать это каждый раз!

На четвёртый день Альри повторил расчёты... и точки собрались в совсем небольшой и ничего не говорящей ему области на карте. Спокойно и неторопливо Альри перепроверил расчёты, вызвал гонцов и велел немедля разослать копии своих предсказаний в четыре крупнейших университета Ралиона.

Никогда ещё гонцы не получали задания доставить сведения во что бы то ни стало в течение суток.

Спустя восемь часов все университеты уже получили предупреждение Альри Данхора и выслали экспедицию – проверить, что же творится в никому не ведомой точке Ралиона.

Экспедиция долетела до океана, не нашла там ничего и вернулась. Никому из учёных не было известно, лежит ли что-либо там, в глубине, под тремя километрами воды.

Все маги и специалисты по паранормальному перешли в состояние полной готовности к чрезвычайным ситуациям.

А Ралион готовился отмечать праздники урожая, что были древней традицией почти повсеместно.

* * *

Таилег проснулся от жуткого холода.

Покосившись, он увидел мерно дышавшую рептилию и беззвучно выругался. То-то будет смеху, когда она утром очнётся и увидит его окоченевшее тело... «Спасая население, пал спасатель такой-то...» Тьфу!

Намерение подняться и попрыгать вскоре оказалось совершенно невыполнимым. Суставы и мышцы отзывались такой болью, что доведённый до отчаяния Таилег решил

сжечь последний факел и худо-бедно погреться. И шут с ним со всем! Всё равно один факел – это не сто и не тысяча.

Тут он вспомнил, что так и не развернул свёрток Даала. Кстати, именно этот свёрток немилосердно втыкался ему в затылок, как ни поворачивай рюкзак.

В свёртке была бухта очень тонкой – но прочной – верёвки, две дюжины узких прямоугольных свёртков и три – свёртков покрупнее.

Ладно, начнём с маленьких. Скользя на ощупь плотная бумага долго не поддавалась, пока неожиданно из неё не выскочил узкий предмет. Наподобие факела в ножнах. Конус на короткой тонкой рукоятке.

Таилег осторожно снял колпачок с отполированного тяжёлого конуса и тот... засветился. Выяснилось, что нажимая на разные участки его рукоятки, можно регулировать яркость. Свет был белым, сильным... и холодным. Осознав последнее, Таилег не выдержал и разразился хриплым хохотом. Немного успокоившись, он закрыл конус колпачком и тот немедленно потух. Отлично. Правда, не совсем то, что нужно.

Таилег оглянулся – рептилия не отреагировала на взрыв безумного смеха – и развернул второй свёрток.

В прозрачной бумажной упаковке лежал тяжёлый – не менее килограмма – брусок размером с ладонь. А это что? Еда? Оружие? Надо же, хотел ведь спросить Леглара... Проклиная себя за глупость, Таилег осторожно разорвал обёртку и повертел брусок в ладони.

Ничего особенного. Запах напоминает торф. Вряд ли это едят... Поверхность бруска была покрыта тонкой плёнкой парафина и Таилег счистил её ладонью...

Зашипев от неожиданности, он выронил брусок себе под ноги. Брусок за несколько секунд раскалился докрасна и излучал теперь драгоценное, слабо пахнущее смолой тепло. Юноша пожелал Леглару тысячу лет жизни и растянулся около бруска прямо на земле. Только в трёх шагах можно было выдерживать этот жар.

Вскоре холод был побеждён и остался голод. Ничего не попишешь. На еду экономить не получится. Леглар сжевал ещё пару ломтей мяса, заел сушёными фруктами и страшно захотел пить.

Вскипятить воду в котелке? Да, но ведь замучаешься ждать, пока остынет.

Тут его осенило, и в котелок воды из реки он капнул из флакончика, содержимым которого вылечил себя и рептилию. Вода в котелке на миг засветилась, затем поднялась и осела лёгкая муть... и Таилег получил полный котелок вкусной, освежающей и прохладной воды. Просто божественно...

Пододвинув медленно сгорающий брусок поближе к рептилии (разумеется, так, чтобы её не поджарить), Таилег вновь улёгся спать. Солнца здесь не предвиделось, но хочется надеяться, что он его ещё увидит.

8

Он очнулся от неприятного покалывания где-то в позвоночнике.

Брусок давно уже догорел, оставив после себя проплавленную лунку в камне и горсточку белого пепла. Доносился плеск воды и прежнее, чуть хрипловатое редкое дыхание из-за спины.

Что-то разбудило его. Но что?

Послышался слабый плеск и белёсая светящаяся тень скользнула совсем рядом с берегом. Странные здесь водятся рыбы, аж дрожь в коленях. Таилег наклонился к воде и зачерпнул в ладони воды. Холодное прикосновение быстро прогнало остатки сна. Уже утро? Вряд ли, по внутренним ощущениям прошло часа два.

Таилег вновь зачерпнул воды и энергично растёр себе лицо.

Когда он отнял руки от лица, кожа, сошедшая с щёк и лба, неровными окровавленными лоскутками упала в ладони.

Таилег издал нечеловеческий крик и вскочил на ноги. Боли не ощущалось. Под кожей обнажилось мясо – оно сочилось вязкой чёрной жидкостью и издавало отвратительный запах.

Он прикоснулся дрожащим пальцем к правой щеке и та отвалилась целиком. Таилег не смог издать ни звука: ужас сковал его горло, отнял силы и лишил дыхания. Он ощущал – уже неведомо, чем – как сходит кожа на всех остальных частях его тела.

Ноги не удержали его и он упал, с размаху ударившись о камни лбом.

* * *

Почти немедленно он очнулся. Всё с ним было в порядке. Таилег долго осторожно ощупывал своё лицо, руки и ноги, прежде чем убедился, что не рассыпается на куски.

Ну разве что болел лоб. Слава богам, лёгкая ссадина.

Он обернулся. Всё оставалось по-прежнему. Окружающий мир не изменился. Откуда пришло это ужасное наваждение? Лицо его горело огнём и сердце никак не могло успокоиться.

Совладав со страхом, Таилег вновь остудил лицо водой (на сей раз без последствий) и уселся у самой воды.

Он боялся засыпать.

Сон мог прерваться, и прерваться так же – как этот, пробуждением у ледяной воды, с криком, застрявшим в горле. Что-то неладное с его головой, ведь никогда прежде кошмаров не снилось!

От тишины звенело в ушах. Таилег затаил дыхание и ничего, кроме плеска воды, не услышал хриплого дыхания. Умерла?

Он осторожно склонился над рептилией. Дыхание не исчезло, оно просто перестало быть хриплым. Как быстро она излечивается! – подумал Таилег с завистью и потрогал её лоб.

Он был тёплым! Невероятно! Всю жизнь его учили, что всё, покрытое чешуёй, холодно на ощупь, отвратительно пахнет... ладно, запахи пока оставим в покое. Сейчас от неё пахло полыньёю, что вообще ни в какие ворота не лезло. Но как ей удаётся быть тёплой?

Усталость, которую так и не удалось сломить, вновь напомнила о себе. Таилег понял, что если немедленно не ляжет спать, то заработает что-нибудь похуже испорченных нервов.

– Да провались оно всё, – произнёс он вслух и, после короткого раздумья, забрался под плед. Когти рептилии упирались ему в спину и в лопатки... но это было лишь мелким недоразумением.

Ему наконец-то было тепло.

* * *

Сны не удостаивали его визитами вот уже несколько лет. Таилег отвык от них и недоумённо пожимал плечами, если кто-нибудь принимался рассказывать свой сон или, что ещё хуже, толковать его. Кому-то они снятся, кому-то нет.

Сейчас же, затерянный где-то под землёй, он вообще дремал, почти не засыпая глубоко. Журчание воды, редкая капель, от которой разносилось неожиданно гулкое эхо, глухое бурчание в животе, раздражавшее его больше всего, ощущались, несмотря на то, что на веках висел чудовищный груз и только могучее колдовство помогло бы ему открыть глаза снова.

Постепенно звуки и ощущения уплывали вдаль... и новые, живые и яркие образы начали проявляться в его сознании.

* * *

Поздний вечер, молодой человек в накидке с вышитым знаком Ши́ла осторожно пробирался по тёмным и узким улочкам. Почему Ши́ло, понятно. Как ещё изображать себя Гильдии воров? Только чужими символами могли украсить они свои одежды, только в маске могли безбоязненно расхаживать по городу. Семь веков все правители изживали Гильдию, бились с ней, подкупали её – но рано или поздно талант её мастеров становился позарез необходимым.

Не все же они обирают ротозеев, срезают у почтенных горожан кошельки или крадут фамильные драгоценности, заменяя их разной дрянью.

Впрочем, сейчас юношу интересует не его будущая профессия. Он крадёт, выискивая некий знак, начертанный в условном месте и, обнаружив его, спускается по бесконечно глубокой винтовой лестнице куда-то под землю.

...Когда пришли люди, пришло и буйство чувств. Лишённые возможности жить долго, не наделённые магическим даром, вечно обиженные на всё и вся, люди открыли, что органы чувств могут приносить наслаждение. Не одним Людям, конечно. Всем двуногим и похожим на Людей. Изысканные кушанья, благовония, театр, музыка... только гуманоиды изобрели способ наслаждаться всем этим.

Чем немало потрясли остальные расы.

Любовь телесная не была исключением.

Окутанная множеством запретов, бессильных управлять ею, порождающая хаос во внутреннем мире людей – как и прочие зыбкие изобретения их разума – она оказалась мощным топливом, способным питать частицы божеств, разлитые в окружающем мире.

И появлялись постепенно у каждого божества странные, привлекательные и жуткие одновременно ипостаси, и всё новые и новые культы соглашались даровать людям своё расположение.

...В Киншиаре также имелся запретный храм, где жизнь дневная и ночная разительно отличались. Днём храм был местом, где молились об излечении и плодородии (и не оставляло оно никогда окружающие пашни), где лечили раны телесные и душевные.

Ночью храм был другим.

На взгляд постороннего наблюдателя это был обычный бордель. Однако, ночной храм также отличался от лучшего борделя, как изысканный обед от ведра помоев.

Поскольку «низменная» ипостась божества всегда присутствовала со своими жрецами и жрицами, даровала ощущения, недоступные смертным иным путём – и сжигала в ответ смертные жизни. Не одаривая клиентов, однако, ни старостью, ни болезнями. Как и всякий наркотик, наслаждения были доступны всем. Но не от всякого наркотика смерть была блаженной. Не всем дано было знать, как много берут боги с тех, чей разум подавлен страстями.

Тайну эту стерегли пуще всех храмовых сокровищ.

В конце концов, почему бы не обманывать тех, кто хочет быть обманутым?..

За глаза всех служителей тёмных богов звали слугами Хаоса, но подлинным ударом для многих и многих было бы узнать, что их собственный бог или богиня тоже имеют тёмного двойника, не брезгующего ничем для усиления своей мощи. Боги не обязаны отчитываться перед смертными.

...Юноша спускался в ночной храм, но вовсе не для того, для чего храм ночной существовал.

Он намеревался ограбить его.

Ограбить – вероятно, слишком громкое слово. Так, стащить хоть что-нибудь. Чёрные хода, по которым спускались жаждущие удовольствия, никогда не пересекались с переходами, что открыто вели в храм дневной – с главных улиц, с каменных ступеней, по которым шли, чтобы благодарить богов и просить их о милости.

Здесь не просили, а требовали; вопреки слухам, здесь всегда царила абсолютная чистота, воздух был полон изысканных благовоний. Ни нежить, ни настоящие демонопоклонники никогда не появлялись здесь.

За многие столетия, что Киншиар рос и развивался, оба храма – дневной и ночной богов города и окрестностей, бога-брата и богини-сестры развивались вместе с ним. Когда же пришёл черёд богов, что известны во многих мирах, когда имена их были начертаны поверх древней пары имён, храм ночной не впал в запустение.

Напротив, он только разросся.

...Храм Тивера и Ормианы – ночной храм сохранил своё древнее название – был похож на замок, предназначенный для самых важных особ. Только рос он не вверх, а вниз. Хотя переходы его и многочисленные помещения никогда не охранялись (горе тому, кто хотя бы помыслит учинить беспорядок в святом месте), всё же вору здесь было неуютно. Положенные жертвы Палнору, Владыке Воров, были принесены, его божественная мысль скрывала подлинные намерения молодого человека и наряженные в красивые, но простые одежды жрицы Ормианы приветливо улыбались навстречу.

И всё равно он ощущал опасность каждой частичкой своего тела.

...Спустившись по лестнице, что таилась за скрытой панелью в тёмном проходе, он бесшумно пересёк пустую, ничем не освещённую анфиладу узких комнат и остановился на пороге святая святых Храма.

Обе статуи, брата и сестры, стояли рука об руку на противоположной стороне зала. На губах их играла едва заметная улыбка. Над ними, как дань их более мощным собратьям, были изображены символические фигуры тех из универсальных божеств, кто не являлся прямыми противниками древнего культа. Незванный гость даже не взглянул на статуи и барельеф. Боги одинаково чутки ко всем обращениям в их адрес. Достаточно восхититься их изображением, обратиться с молитвой, даже просто упомянуть имя – и божество, что обитает поблизости, услышит.

Так что он видел только бессчётные сокровища, что были аккуратно разложены вокруг, расставлены так, чтобы глаз радовался, пробегая по ним. Боги не были скупы: в тяжёлые времена они могли наказать жадных жрецов, что не торопились использовать храмовые сокровища на нужды верующих.

...Итак, взять хоть что-нибудь. Главное, думать только о цели. Только о ничтожной безделушке. Тогда, возможно, удастся уйти отсюда живым.

Рука не успела коснуться драгоценного изделия, когда ослепительная вспышка белого света озарила зал, порыв ветра швырнул вору в лицо полу его же плаща и дикая, неуправляемая энергия затопила его существо.

...Время неожиданно возобновило свой ход. Он был всё еще жив, стоял, недвижимый, протянув руку к цели своего предприятия. Эхо дальних голосов слышалось в Сокровищнице.

Схватив добычу, вор торопливо выскользнул из зала и – быстро, быстро! – вернулся потайным ходом наверх, к переходам и покоям ночного храма.

Там уже замирала всякая жизнь. Близились утро.

* * *

Огонь!

Белое, непереносимое сияние затопило всё вокруг и порыв буйной, неуправляемой силы излился откуда-то из глубин его существа – как в ту ночь, восемь лет назад.

Таилег ощущал, что тяжесть всего мира лежит на его плечах.

Сияние, что скрыло всю вселенную, разошлось и угасло, но чудовищное возбуждение, ощущение могущества нарастало; всё вокруг окрасилось в пурпурные тона. Таилег, все силы которого уходили на то, чтобы бороться с нарастающим удушьем, успел заметить, что окружающий мир стал расплывчатым и нереальным, каждый предмет переливался всеми оттенками красного и звучал собственным, отличным от других музыкальным тоном. Звуковой шквал ошеломлял, но Таилег понял, что слышит его не ушами.

Он попытался встать, но мощь, которой он не умел управлять, опрокинула его, швырнула спиной вперёд. Он заметил рубиновый контур каменного «дуба», падающий сверху, и выставил перед собой руки.

Последовала ещё одна вспышка, и океан силы, неожиданно вырвавшийся на свободу, так же неожиданно схлынул.

Таилег лежал ничком, в куче каменного крошева и никак не мог отдышаться.

* * *

Откашливаясь и проклиная едва державшие его ноги, Таилег поднялся. Весь он был присыпан каменной пылью, она же скрипела на зубах.

Что же происходит в этом мире? Ещё неделю назад он был обычным, приемлемым, в меру враждебным и в меру приветливым. Неужели все, кто попадаетея Наблюдателям, сталкиваются с *подобным*??

Одежда была цела. Она, правда, не предназначалась для того, чтобы в ней спали. Тело было и жаждало настоящего отдыха. Настоящего сна в настоящей постели и настоящей еды. Брошу это проклятое ремесло, только бы выбраться отсюда!

Таилег принялся отряхивать каменную пыль и охнул. Левая рука отозвалась дёргающей болью. Поднеся ладонь к глазам, он увидел три глубоких ожога – треугольной формы следы глубоко впились в ладонь. Обо что это он так?

Флакончик с целебным составом тоже не пострадал. Таилег капнул на распухшую ладонь и, стиснув зубы, вытерпел огонь, принесённый исцелением.

Так что же здесь произошло?

Таилег не сразу понял, что каменной колонны больше не существует. Вернее, огромный её сегмент, метра три длиной, отсутствовал. На его месте теперь стоял он, Таилег. Осо-

знав это, он поспешил отойти. Вовремя: сверху немедленно свалилось несколько довольно острых и тяжёлых осколков.

А чьи это оплавленные следы? Две пятерни, глубоко отпечатавшиеся в камне? Таилег осторожно приложил руку к одному из отпечатков. Камень был ещё горяч. Несомненно, это его рука.

Да что же это всё значит?

Таилег в полном смятении озирался вокруг, как вдруг обратил внимание на импровизированную постель.

В ней никого не было.

Таилег подошёл, осторожно нагнулся и осмотрел подстилку и плед. В обоих виднелись выжженные следы, и отпечаток тела рептилии ещё хранил её тепло.

– Хорошенькое дело, – произнёс юноша и уселся с размаху на скомканный плед. Вопреки всем его усилиям, голос дрожал и звучал жалобно.

9

Таилег доел очередной ломоть мяса и пересчитал свои запасы.

Если весь день идти, то хватит на четыре с небольшим дня. Недостатка воды пока не предвидится... но вот что ему теперь делать?

Ладно, рептилия скрылась – её дело. Может, оно и к лучшему. Таилегу всё равно не спастись, если его захотят убить. Здесь он беспомощен.

На дне рюкзака отыскался компас. Под землёй толку от него было немного, но стало понятно, что река течёт с северо-северо-востока.

Там же, на дне, лежали две книги. «Загадки Ралиона» и «История культов». Не бог весть какое чтиво, и всё же... Как бы ему тут не застрять годиков на несколько. Сгодится и это. О, и чернильница цела! Интересно, кто это всё мне положил?

Впрочем, понятно, кто.

Хорошо, если удастся посидеть день (или ночь?) в относительном спокойствии.

Подумав несколько минут, Таилег решил идти вниз по течению. Хотя бы в уважение древнего суеверия – не возвращаться назад, пока цель не достигнута. Сложив пожитки, он устроился поверх отпечатков своих ладоней и немного полежал, глядя на потолок. Станным образом напряжение и постоянный страх оставили его. Осознание этого было редкостным удовольствием.

Он лежал, полуприкрыв глаза и слушал размеренное журчание воды. Однако, он вовсе не собирался спать, и вовремя заметил едва ощутимый хруст камушков под чьими-то ногами.

Бурная ночь не притупила его рефлексов. Меньше, чем через секунду Таилег уже стоял на ногах, сжимая в правой руке кинжал.

Перед ним стояла мокрая рептилия. Росту в ней было всего метра полтора. Ярко-жёлтые глаза с вертикальными зрачками спокойно глядели на него, не мигая.

Таилег молча убрал кинжал от её горла и уселся на камень. Рептилия осторожно разжала ладони и три больших рыбины упали наземь, мелко подрагивая.

Не сводя друг с друга взглядов, они довольно долго сидели неподвижно.

Таилег решился отвести взгляд от этих гипнотизирующих, ярких глаз и неторопливо расстегнул рюкзак. Извлёк одежду и обувь рептилии и осторожно положил перед ней. Та, продолжая рассматривать человека, ловко застегнула свою «сеть» и обулась. Только теперь Таилег осознал, насколько свободно она себя здесь чувствует. Без обуви, без снаряжения подошла к нему вплотную почти совсем бесшумно!

Юноша выложил свой дневной запас еды и положил рядом с рыбой. Рептилия мельком взглянула на предложенное и отвернулась.

Таилег пролистал блокнот, в котором записывал наставления Леглара и откашлялся.

– *And assai, halian Thaileg*, – сказал он, стараясь произносить слова чётко и приложил ладонь ко лбу. Рептилия вздрогнула и приоткрыла рот. – *Ans assai, ормасс ари?*

Что означало: могу ли я надеяться узнать ваше имя? Правда, Леглар любил повторять, что точного перевода на Тален в данном случае нет и быть не может.

– *Ans assai, Hanssaril Thamle*, – ответила рептилия неожиданно мелодичным голосом и, быстро прикоснувшись когтем правой руки к запястью Таилега (от чего тот вздрогнул), спросила: – *Thaileg Hattar, airssido hain?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.